№ 560

И. ГРОМОГЛАСОВЪ.

НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О
МОСКОВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ
ПЛАТОНѢ.

Критико-библіографическій очеркъ.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, д. военнаго вѣдомства.
1907.

И. ГРОМОГЛАСОВЪ.

НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О
МОСКОВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ
ПЛАТОНѢ.

Критико-библіографическій очеркъ.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, д. военнаго вѣдомства.
1907.

Вх
597

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1524
58

Настоящая брошюра содержитъ въ себѣ составленный по порученію Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ отзывъ объ одномъ изъ сочиненій, представленныхъ на 15-е соисканіе премін имени Г. Ѳ. Карпова По разсмотрѣніи самыхъ сочиненій и отзывовъ о нихъ особой Коммиссіей въ составѣ Почетнаго Члена Д. И. Иловайскаго и Дѣйствительныхъ Членовъ· В. О. Ключевскаго, Е В. Барсова, С Л. Бѣлокурова и М. К. Любавскаго, премія была присуждена автору разбираемаго здѣсь изслѣдованія, а рецензенту его— установленная золотая медаль.

О результатахъ соисканія премии объявлено въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24-го апрѣля 1907 г.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи Н. В. Лысогорскаго: „Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель". Ростовъ на Дону 1905 г.

Въ ряду іерарховъ православной русской церкви за двухвѣковой почти періодъ синодальнаго управленія, безспорно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ тому, чье имя стоитъ въ заглавіи разсматриваемаго сочиненія. Просвѣщенный и гуманнѣйшій архипастырь второй половины XVIII и начала XIX столѣтія, выдающійся по своимъ личнымъ талантамъ и разносторонней дѣятельности, московскій митрополитъ Платонъ имѣетъ полное право на вниманіе къ себѣ со стороны ученыхъ изслѣдователей нашего церковно-историческаго прошлаго. Въ особенности можно сказать это о разнообразномъ и широкомъ участіи его въ дѣлѣ уясненія и установленія отношеній высшей церковной власти къ неумѣренно ревностнымъ чтителямъ мѣстной церковно-обрядовой „старины". Еще на зарѣ своего служенія церкви, въ званіи „перваго соборнаго іеромонаха" Троицкой Лавры, будущій первосвятитель московскій кладетъ прочную основу своей почетной извѣстности, въ качествѣ дѣятеля на вышеуказанномъ поприщѣ, замѣчательнымъ произведеніемъ, изданнымъ въ 1765 г. отъ имени Св. Синода и составившимъ эпоху въ нашей противораскольнической полемикѣ. Въ лицѣ его эта полемика, на протяженіи ста лѣтъ весьма усердно, но далеко не въ той же степени успѣшно сокрушавшая старообрядчество „Жезломъ", „Копіемъ" и „Пращицей", подвергавшая его „Розыску", переходившему въ уголовно-обвинительный актъ, облекавшая самый „Увѣтъ" и „Обличеніе неправды раскольнической" въ форму крайне рѣзкихъ „жестокословныхъ порицаній", впервые заговорила языкомъ кроткаго и снисходительнаго „Увѣщанія во утвержденіе истины и въ надежду дѣйствія любви евангельскія" Содержаніе произведенія, вполнѣ отвѣчавшее его названію, кореннымъ образомъ мѣняло всю постановку вѣковыхъ пререканій между несогласными въ обрядахъ, убѣдительно доказывая неумѣстность взаимнаго отчужденія изъ-за нихъ тамъ, гдѣ сохраняется единство вѣрованій. Уже одно это обстоятельство, независимо отъ всего остального придаетъ появленію небольшой книжки, вышедшей изъ-подъ пера Платона Левшина, значеніе большого событія въ исторіи попытокъ къ уврачеванію „немоществующихъ недугомъ раскола". А между тѣмъ,

послѣдствія даннаго факта далеко не исчерпываются лишь перемѣною въ области теоретическихъ воззрѣній на старообрядчество. Оффиціально исходившія отъ высшей церковной власти, мысли и сужденія „увѣщательной книжицы“ неизбѣжно должны были не только опредѣлить общій тонъ послѣдующихъ сужденій о предметахъ обрядоваго разногласія, но и лечь въ основу практическихъ отношеній къ старообрядцамъ церковно-административныхъ дѣятелей, въ ряды которыхъ скоро становится и самъ составитель замѣчательнаго трактата въ санѣ архипастыря сперва тверского, а затѣмъ московскаго. И отъ кого другого, какъ не отъ него же, всего естественнѣе ожидать наиболѣе разумнаго и цѣлесообразнаго соединенія въ своихъ мѣропріятіяхъ такъ ярко выставленнаго имъ принципа христіанской снисходительности къ долговременнымъ обрядовымъ навыкамъ съ пастырской заботой объ огражденіи малопросвѣщенныхъ православныхъ массъ отъ соблазновъ раскола? Церковно-административная противораскольническая дѣятельность Платона представляетъ, такимъ образомъ, особый, исключительный интересъ именно благодаря тому, что рѣчь идетъ объ авторѣ „Увѣщанія“ Если присоединить къ этому, что подъ несомнѣннымъ вліяніемъ идей, раскрытыхъ въ названномъ произведеніи, возникло или, по крайней мѣрѣ, усилилось въ старообрядчествѣ то движеніе къ возсоединенію съ православіемъ, которое привело къ учрежденію такъ называемаго „единовѣрія“, и что въ разработкѣ донынѣ дѣйствующихъ основаній этого послѣдняго первостепенная роль принадлежитъ тому же іерарху,—то для насъ станетъ въ достаточной степени очевидно, что дѣятельность Платона въ отношеніи къ расколу, взятая во всемъ своемъ объемѣ, заслуживаетъ самаго серьезнаго и внимательнаго изученія. До послѣдняго времени, однако, такое изученіе продолжало оставаться предметомъ „благихъ пожеланій“, лишь частично и далеко не въ желательной мѣрѣ удовлетворяемыхъ рядомъ появившихся, особенно за недавніе годы, журнальныхъ статей о знаменитомъ іерархѣ, какъ авторѣ „Увѣщанія“ и одномъ изъ главныхъ участниковъ въ учрежденіи единовѣрія (см перечень ихъ на стр. 4—5 разсматриваемаго сочиненія) Обширный трудъ г. Лысогорскаго, находящійся теперь передъ нами, представляетъ собою *первый* опытъ ученаго изслѣдованія, обнимающаго всѣ стороны противораскольнической дѣятельности митрополита Платона,—и уже одна эта особенность невольно располагаетъ читателя отнестись съ сочувственнымъ вниманіемъ къ положительнымъ качествамъ даннаго произведенія и безъ повышенно-суровой требовательности къ его возможнымъ недостаткамъ. Спѣшу оговориться, что послѣднее замѣчаніе вовсе не имѣетъ въ виду предрасположить къ особенной снисходительности тѣхъ, кому предстоитъ произнести окончательное сужденіе о правѣ автора на полученіе искомой имъ награды: его работа, какъ увидимъ ниже, обладаетъ достоинствами, способными выдержать и очень строгую оцѣнку.

Книга И В. Лысогорскаго состоитъ, кромѣ небольшого предисловія (стр. 3—15), содержащаго краткій перечень источниковъ и пособій,

изъ самаго *изслѣдованія* (стр 17—463), раздѣленнаго на пять главъ, и довольно большого отдѣла *приложеній* (стр 465—631), содержащаго въ себѣ 114 различныхъ документовъ, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ нигдѣ доселѣ не опубликованныхъ и теперь впервые вводимыхъ въ научный оборотъ. Къ документамъ этимъ мы еще вернемся потомъ; но сперва остановимся на самомъ изслѣдованіи

Содержаніе его, какъ уже сказано, распадается на пять главъ, согласно принятому авторомъ плану, мотивированному слѣдующими соображеніями „Дѣятельность каждаго человѣка, какого бы рода она ни была,—разсуждаетъ г Лысогорскій въ предисловіи (стр. 13—15)—всегда является результатомъ его мировоззрѣнія, хотя, можетъ быть, имъ самимъ смутно сознаваемаго Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изложенію въ собственномъ смыслѣ противораскольничьей дѣятельности митрополита Платона, необходимо выяснить его взглядъ на расколъ. А такъ какъ всякое воззрѣніе человѣка слагается при извѣстныхъ условіяхъ, то и для насъ открывается потребность уяснить тѣ условія, которыя имѣли значеніе при выработкѣ взгляда м. Платона на расколъ. Изложеніе взгляда митрополита Платона, равно и обстоятельствъ, вліявшихъ на выработку его, послужитъ предметомъ первой главы нашего изслѣдованія. Далѣе, дѣятельность Платона до принятія епископскаго сана носитъ совершенно особый характеръ, отличный отъ всей послѣдующей его борьбы съ расколомъ—это дѣятельность литературно-полемическая, съ которою Платонъ впослѣдствіи уже никогда не выступалъ. Поэтому анализъ ея составитъ особую, II главу нашего сочиненія. Затѣмъ, начинается дѣятельность Платона въ санѣ епископскомъ, сперва въ санѣ архіепископа тверского, потомъ первосвятителя московскаго. Разсмотрѣніе пастырскихъ мѣръ Платона для ослабленія раскола въ Твери составитъ новую, III главу; а обозрѣніе подобныхъ же мѣропріятій Платона въ санѣ московскаго архіепископа и митрополита—IV главу нашего труда Въ послѣдней, V главѣ мы намѣрены сказать о дѣятельности митрополита Платона по учрежденію единовѣрія“. Выдѣленіе ея въ особый очеркъ, не смотря на неоспоримую связь съ другими пастырскими мѣропріятіями знаменитаго іерарха, направленными къ ослабленію раскола, находитъ себѣ, по мнѣнію нашего автора, достаточное оправданіе въ существѣ самого дѣла: „дѣятельность м. Платона по учрежденію единовѣрія настолько существенна, а самый фактъ учрежденія единовѣрія настолько серьезенъ, что требуется обстоятельное изслѣдованіе вопроса“ Намъ кажется, что соображенія эти достаточно убѣдительны для того, чтобы оправдать общій планъ работы, удачно совмѣщающій хронологическую послѣдовательность изучаемыхъ фактовъ съ ихъ необходимой систематизаціей. Не находя причинъ оспаривать удобство такого распредѣленія матеріала, послѣдуемъ за авторомъ въ намѣченномъ имъ самимъ ходѣ его изслѣдованія.

Задачею *первой* главы своей книги г. Лысогорскій поставилъ выясненіе „обстоятельствъ, способствовавшихъ выработкѣ взгляда м. Пла-

тона на расколъ". и затѣмъ—характеристику самаго этого взгляда, который, являясь отраженіемъ общаго „міровоззрѣнія" знаменитаго іерарха, сообщилъ извѣстное направленіе его противораскольнической дѣятельности. Здѣсь вполнѣ естественно было бы ожидать со стороны автора не только указаній на совокупность тѣхъ разнообразныхъ вліяній, подъ воздѣйствіемъ которыхъ складывались основныя черты духовнаго облика будущаго дѣятеля противъ раскола, но и попытки прослѣдить частичныя перемѣны въ общихъ воззрѣніяхъ и пріемахъ практическаго проведенія ихъ въ жизнь, неизбѣжно предполагаемыя уже въ силу общихъ свойствъ человѣческой природы. Вѣдь сколько бы ни старались убѣдить насъ въ противномъ. трудно повѣрить, что извѣстныя воззрѣнія такой богато одаренной и воспримчивой натуры, какъ Платонъ, опредѣлившіяся въ юные годы, остались какою-то окаменѣлостью на всю послѣдующую жизнь, не поддаваясь силѣ новыхъ впечатлѣній и урокамъ жизненнаго опыта. Въ частности, намъ кажется совершенно ошибочной такая чрезмѣрно упрощенная постановка дѣла въ примѣненіи къ воззрѣніямъ названнаго іерарха, нашедшимъ себѣ выраженіе въ его противораскольнической дѣятельности. Не даромъ же предшественники нашего автора по разработкѣ вопроса объ участіи м. Платона въ оффиціальномъ учрежденіи единовѣрія, опираясь на нѣкоторыхъ фактахъ и собственныхъ заявленіяхъ московскаго архипастыря, не только высказывали сомнѣніе въ сочувствіи его этому дѣлу, въ значительной степени обязанному самымъ своимъ возникновеніемъ идеямъ „увѣщательной книжицы", но и прямо зачисляли составителя „пунктовъ" 1800 г. въ число „противниковъ" названной мѣры примиренія раскола съ православною церковью (см. статью *В. Нечаева*—„Платонъ, митрополитъ московскій, въ его отношеніяхъ къ единовѣрію", Прав Собес. 1903 г., т. II, стр. 60—64; ср. замѣч. *проф. П. Казанскаго* въ Прав. Обозр. за 1876 г., т. I, стр. 474—476) Какъ ни убѣдительно, повидимому, доказываетъ г. Лысогорскій ошибочность *такого* представленія о роли м—та Платона въ указанномъ дѣлѣ (см. стр. 316 и д), тѣмъ не менѣе и послѣ внимательнаго ознакомленія съ его изслѣдованіемъ читателю трудно отрѣшиться отъ мысли, что если нельзя констатировать принципіальной розни, то нѣтъ и полнаго тождества между іеромонахомъ Платономъ—авторомъ „Увѣщанія" и осторожнымъ составителемъ упомянутыхъ „пунктовъ". Не вдаваясь въ болѣе подробное обоснованіе сказаннаго (такъ какъ къ этой мысли мы еще надѣемся вернуться послѣ, при оцѣнкѣ пятой главы разсматриваемаго изслѣдованія), ограничимся пока указаніемъ на отрицательный методологическій результатъ отсутствія исторической перспективы въ характеристикѣ воззрѣній знаменитаго іерарха, отразившихся въ его противораскольнической дѣятельности Встрѣчаясь въ позднѣйшихъ отношеніяхъ м—та Платона къ расколу съ фактами, повидимому, не вполнѣ отвѣчающими идеямъ „Увѣщанія", г. Лысогорскій думаетъ устранить возможность такого пониманія ихъ указаніемъ на взгляды московскаго первосвятителя, выра-

женные въ названномъ трактатѣ (см.. напр , стр 316), не замѣчая бросающейся въ глаза наивности подобной аргументации...

Что же, однако, даетъ намъ г. Лысогорскій взамѣнъ неудавшейся характеристики личности и „мировоззрѣнія" московскаго митрополита Платона? Вся первая половина главы, посвященная выясненію „обстоятельствъ, способствовавшихъ выработкѣ" его „взгляда на расколъ", представляетъ не болѣе, какъ рядъ отрывочныхъ и довольно поверхностныхъ замѣчаній, производящихъ—по справедливому замѣчанію одного изъ оффиціальныхъ рецензентовъ книги—впечатлѣніе искуственнаго „подбора фактовъ для опредѣленной, заранѣе намѣченной цѣли" (см. отзывъ *проф. С. Т Голубева* въ Извлеч. изъ журналовъ Совѣта Кіев дух. акад. за 1906—7 уч. г.. стр. 28). Упомянувъ коротко объ „унаслѣдованныхъ отъ родителей добрыхъ чертахъ" нравственнаго благородства, любвеобильности. благотворительности и благочестія, которыя „естественно, должны были благопріятно отразиться на послѣдующей противораскольничьей дѣятельности м Платона" (стр. 17—18 разсм. книги), авторъ переходитъ затѣмъ къ выясненію вліянія школы (именно—московской славяно-греко-латинской академіи) на своего знаменитаго питомца. Онъ придаетъ чрезвычайно большое значеніе тому обстоятельству, что „вся учебно-воспитательная часть" академіи находилась тогда въ рукахъ вызываемыхъ изъ Кіева ученыхъ иноковъ—малороссовъ, вліянію которыхъ, видимо, склоненъ усвоять самое благодѣтельное воздѣйствіе на умственный и нравственный складъ будущаго полемиста и практическаго борца съ старообрядческимъ расколомъ. Обоснованіе этой мысли, даваемое здѣсь, совсѣмъ не отличается, однако, убѣдительностью Начать съ того, что довольное странное впечатлѣніе производитъ, подъ перомъ ученаго изслѣдователя, идеализація научно-образовательной стороны того школьнаго строя, въ основѣ котораго положенъ обскурантскій принципъ: omnis scientia in cuculio и при которомъ отлично зарекомендованный въ отношеніи учительскихъ качествъ преподаватель, „попеже монашества пріять не желаетъ", долженъ былъ уступать свое мѣсто въ академической корпораціи невѣдомому семинарскому учителю синтаксимы, „яко монашества желающему". Можно только удивляться, что нашъ авторъ, приводя подобные факты (стр 19—20), самъ не замѣчаетъ, до какой степени они противорѣчатъ его оптимистическимъ сужденіямъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ академической монахократіи Не болѣе основательны и его предположительныя догадки о томъ. что именно школѣ съ ея руководителями—кіевлянами, обязанъ первоначально Платонъ тѣмъ просвѣщеннымъ взглядомъ на расколъ, который легъ потомъ въ основу всей его противораскольнической дѣятельности. Единственное основаніе, приведенное въ подтвержденіе этой мысли, заключается въ томъ, что академическіе наставники—малороссы, воспитанные на южно-русскихъ полемическихъ сочиненіяхъ, должны были, слѣдуя имъ, держаться правильныхъ взглядовъ „на догматы и обряды, на ихъ различіе и значеніе въ церкви, т. е. на

тѣ пункты, которые имѣютъ принципіальное значеніе въ сужденіи о расколѣ", и—конечно—проводить тѣ же взгляды въ своемъ академическомъ преподаваніи, катехизическихъ проповѣдяхъ и т. п (стр. 20). Но разсуждая такимъ образомъ, авторъ совсѣмъ не хочетъ считаться съ тѣмъ хорошо извѣстнымъ ему фактомъ, что въ числѣ противораскольническихъ полемистовъ—предшественниковъ м—та Платона имѣется не одинъ питомецъ южно-русской школы; а оказало ли это обстоятельство предполагаемое имъ вліяніе на постановку и тонъ ихъ полемики противъ старообрядчества? Можно сказать даже больше: характеръ этой полемики, столь чуждой кроткому духу платоновскаго ,,Увѣщанія", впервые былъ созданъ ученымъ выходцемъ изъ южной Руси, переработавшимъ въ ,,Жезлъ" обличительное писаніе греческаго ех—митрополита Паисія. . Не можемъ мы согласиться и съ наивными разсужденіями г. Лысогорскаго объ отмѣнно-благодѣтельномъ вліяніи иноковъ-педагоговъ на нравственный укладъ руководимаго ими юношества Повторяя, вслѣдъ за старымъ историкомъ Московской академіи, благонамѣренную фразу, что ,,духъ иночества нераздѣленъ съ духомъ благочестія", онъ склоненъ видѣть яркое и убѣдительное проявленіе послѣдняго въ томъ, что монашествующіе наставники ,,нерѣдко даже свои богословскія системы начинали и оканчивали словословіемъ Богу, Матери Божіей и святымъ" (стр. 21). Необычно и странно встрѣчать такіе аргументы въ серьезной ученой работѣ.

Наилучшимъ опроверженіемъ натянутыхъ разсужденій автора, вращающихся въ области догадокъ и возможностей, являются его же собственныя дальнѣйшія замѣчанія о созданномъ монашествующими педагогами дисциплинарномъ строѣ нашихъ духовныхъ школъ до—екатерининской эпохи, представлявшемъ „весьма невыгодныя условія для развитія въ своихъ питомцахъ тонкости нравственнаго чувства и, вообще, добрыхъ чертъ характера" (тамъ же). Неожиданно мѣняя повышенный тонъ панегириста на роль суроваго обличителя, г. Лысогорскій высказываетъ самое рѣзкое осужденіе жестокой и бездушной воспитательной системѣ благочестивыхъ иноковъ. Оказывается, что дисциплинарный строй, ими созданный, способенъ былъ ,,подавить въ Петрѣ (мірское имя Платона) Левшинѣ всякую чувствительность, любвеобильность и воспитать въ немъ тиранническіе инстинкты", и если этого не произошло, то только потому, что школьная дисциплина, не отвѣчая природнымъ душевнымъ качествамъ питомца, ,,вмѣсто подчиненія себѣ возбуждала отвращеніе". Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о благотворномъ вліяніи школы на развитіе нравственнаго характера будущаго любвеобильнаго полемиста и церковнаго администратора. Тѣмъ не менѣе, неожиданнымъ образомъ выходитъ въ концѣ концовъ, что воспитательная система академіи имѣла благіе результаты для Платона Высказавъ это сперва лишь предположительно (,,могло быть"), г. Лысогорскій вслѣдъ за тѣмъ уже вполнѣ увѣренно заявляетъ, что она ,,отрицательно укрѣпляла" въ будущемъ іерархѣ

,,благородство и любвеобильность сердца подобно тому, какъ какой нибудь порокъ въ художественномъ описаніи не только не привлекаетъ къ себѣ, но, напротивъ, отталкиваетъ, заставляя живѣе чувствовать его гнусность" (стр. 33). Противъ такихъ разсужденій спорить всерьезъ, конечно, невозможно.

Отъ представленныхъ замѣчаній о домашнемъ и школьномъ воспитаніи Платона авторъ переходитъ къ вліянію на него ,,общественной среды", имѣя при этомъ въ виду ,,либеральныя философскія идеи времени", съ которыми будущій іерархъ имѣлъ полную возможность ознакомиться, вращаясь въ придворной средѣ въ качествѣ законоучителя наслѣдника престола. Напрасно мы стали бы искать въ разсматриваемой книгѣ фактическихъ указаній на то, какъ воспринималось это вліяніе Платономъ и какой слѣдъ оставило оно на его духовномъ обликѣ. Вѣрный усвоенному ранѣе пріему, авторъ и здѣсь не идетъ далѣе общихъ разсужденій, строя на нихъ, въ заключеніе, ничѣмъ не обоснованный, въ сущности, выводъ, что господствующія идеи вѣка ,,въ значительной долѣ содѣйствовали воспитанію въ немъ (Платонѣ) того гуманнаго отношенія къ раскольникамъ, которымъ проникнута вся его дѣятельность и которое требуется духомъ христіанскаго ученія" (стр. 27). Весьма возможно, что это такъ и было на самомъ дѣлѣ; но объ этомъ и послѣ безсодержательныхъ разсужденій г. Лысогорскаго можно только предполагать, а не говорить съ полною увѣренностью.

Покончивъ такимъ образомъ съ ,,обстоятельствами, способствовавшими выработкѣ взгляда м—та Платона на расколъ", авторъ приступаетъ къ изложенію самаго этого взгляда, въ которомъ названный іерархъ ,,съ одной стороны примыкаетъ къ предшествующимъ противораскольническимъ дѣятелямъ, повторяя выработанныя ими положенія, а съ другой—опереживаетъ ихъ, пролагая путь для новыхъ отношеній къ раскольникамъ" (стр. 28). Сущность этого взгляда сводится къ тому, что ,,расколъ основанъ на одномъ невѣжествѣ и ревности къ вѣрѣ горячей, но не по разуму" (Кратк. церк. ист. м—та Платона, т. II, стр. 236), откуда слѣдуетъ, какъ прямой и естественный выводъ, что наиболѣе цѣлесообразною мѣрою борьбы съ неразумнымъ упорствомъ ревнителей обрядовой ,,старины" должно быть не преслѣдованіе ихъ за религіозныя убѣжденія, только разжигающее фанатизмъ, а выясненіе ошибочности самыхъ этихъ убѣжденій путемъ любвеобильнаго и снисходительнаго ,,увѣщанія". Болѣе или менѣе суровыя гражданскія мѣропріятія могутъ быть примѣняемы въ изв. случаяхъ къ раскольникамъ, но лишь какъ ,,наказаніе за мятежъ, а не за вѣру" (тамъ же, стр. 264). По поводу этого взгляда на расколъ г. Лысогорскій не высказываетъ своихъ собственныхъ сужденій, принимая его, повидимому, сполна, безъ всякихъ дополненій или ограниченій. Съ точки зрѣнія вѣрности ему онъ оцѣниваетъ потомъ и всю противораскольническую дѣятельность Платона, не указывая никакого другого критерія. Намъ кажется, однако, отношеніе автора къ своему дѣлу и въ этомъ случаѣ чрезмѣрно упро

щеннымъ. Ему, конечно, не безъизвѣстно, что традиціонное объясненіе старообрядческаго раскола, полагающее во главу угла ссылку на старорусское ,,невѣжество", далеко не безусловно принимается современными изслѣдователями, выдвигающими иныя историческія причины прискорбной религіозной розни, расколовшей русскую церковь въ половинѣ XVII в. Мы не считаемъ необходимымъ входить здѣсь въ подробное изложеніе ихъ; но не можемъ не замѣтить, что принятіе иныхъ, высказанныхъ въ новѣйшей литературѣ, взглядовъ на коренныя причины старообрядческаго раскола неизбѣжно измѣняетъ оцѣнку тѣхъ или другихъ мѣръ борьбы съ нимъ со стороны ихъ цѣлесообразности. Устранить эту точку зрѣнія изъ своихъ разсужденій едва-ли былъ въ правѣ и авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, имѣя дѣло не съ книжными только воззрѣніями теоретика—расколовѣда, а съ мѣропріятіями большой практической важности, каковы знаменитые платоновскіе ,,пункты", до сихъ поръ почти сполна удержавшіе за собою значеніе основного закона для ,,единовѣрія".

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ первой главы, нельзя назвать благопріятнымъ: это—рядъ довольно поверхностныхъ соображеній и разсужденій, не отличающихся ни серьезною вдумчивостью, ни содержательностью. Спѣшимъ теперь же прибавить, что эта глава значительно слабѣе другихъ, и было бы крайне ошибочно по ней дѣлать заключенія о научныхъ средствахъ и пріемахъ ея автора.

Вторая глава (стр. 50—113), посвященная ,,дѣятельности м. Платона противъ раскола до принятія епископскаго сана", содержитъ въ себѣ весьма обстоятельный трактатъ объ ,,Увѣщаніи" и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Разсказавъ коротко внѣшнія обстоятельства, послужившія поводомъ къ составленію ,,Увѣщанія", г. Лысогорскій даетъ затѣмъ, на протяженіи цѣлыхъ тридцати страницъ своей книги, подробный пересказъ или - какъ самъ онъ выражается—,,анализъ" названнаго произведенія. Нужно отдать полную справедливость автору признаніемъ того, что эта часть работы выполнена имъ чрезвычайно тщательно, можно было бы сказать—безукоризненно, если бы не возникало сомнѣнія въ необходимости такой подробной передачи достаточно общеизвѣстнаго и совершенно общедоступнаго полемическаго труда, съ довольно частыми буквальными заимствованіями изъ подлиннаго текста (и даже съ повтореніемъ его ошибокъ,—напр., упоминанія о еретикѣ *Манихеѣ*, стр. 63). Такой ,,анализъ" былъ бы, конечно, не излишенъ, если бы мы имѣли дѣло съ произведеніемъ, не отличающимся при богатствѣ фактическаго содержанія, стройностью его распредѣленія и послѣдовательностью въ развитіи мыслей. Но этого отнюдь нельзя сказать объ ,,Увѣщаніи", фактическій матеріалъ котораго, въ сущности, очень не сложенъ, а изложеніе настолько ясно и послѣдовательно, что слѣдить за ходомъ мысли не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. При такихъ обстоятельствахъ подробное ознакомленіе съ изучаемымъ памятникомъ въ пересказѣ г. Лысогорскаго, по требуемому для этого времени

и конечнымъ результатамъ, въ сущности мало чѣмъ отличается отъ чтенія самого подлинника,—разумѣется, не замѣняя этого послѣдняго. Намъ кажется, поэтому, что авторъ безъ ущерба для дѣла могъ бы сократить свой трудъ, ограничившись передачею лишь общаго хода мыслей въ „Увѣщаніи“ вмѣсто того, чтобы пересказывать его съ такимъ исчерпывающимъ воспроизведеніемъ деталей.

Гораздо значительнѣе по своему содержанію и результатамъ второй отдѣлъ той же главы, дающій критическую оцѣнку „Увѣщанія“, какъ памятника противораскольнической полемики. Изслѣдователь начинаетъ съ того, что устанавливаетъ надлежащую мѣрку сужденія о разсматриваемомъ имъ произведеніи. „Было бы великою исторической ошибкою—говоритъ онъ—судить о произведеніяхъ той или иной отдаленной эпохи всецѣло по мѣркѣ настоящаго времени. Памятники прошлаго мы должны разсматривать съ точки зрѣнія той эпохи, въ которую они явились, хотя, несомнѣнно, при свѣтѣ положеній, выработанныхъ послѣдующею исторіею. Отсюда, очевидно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія унижать произведеніе, если оно не подходитъ подъ рамки настоящихъ требованій, но характеръ и, вообще, отличительныя черты котораго легко объяснимы и извинительны съ точки зрѣнія его времени; а съ другой стороны должны особенно высоко цѣнить тотъ трудъ, который можетъ выдержать даже современную критику или, по крайней мѣрѣ, стоитъ выше своей эпохи, опереживаетъ ее. Таковъ нормальный критерій для сужденія о произведеніяхъ предшествующихъ временъ“ (стр. 83—84). Его именно и прилагаетъ г. Лысогорскій къ полемическому труду Платона, разсматривая это произведеніе въ сопоставленіи съ другими, предшествующими опытами противораскольнической полемики и давая сравнительную оцѣнку его со стороны какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшняго изложенія мыслей.

Намъ нѣтъ необходимости слѣдить шагъ за шагомъ весь ходъ критическихъ разсужденій автора, конспективно намѣченный въ подзаголовкѣ разсматриваемой главы. Общая цѣль ихъ—выясненіе преимуществъ „Увѣщанія“ надъ полемическими произведеніями предшествующаго времени въ отношеніи большей осторожности и разборчивости въ подборѣ полемическаго матеріала (отсутствіе ссылокъ на такіе апокрифическіе памятники, какъ Дѣяніе на еретика Мартына или псевдо-еогностовъ Требникъ),—болѣе цѣлесообразнаго пользованія имъ въ интересахъ благотворнаго дѣйствія на старообрядцевъ духомъ кроткаго убѣжденія, перемѣщающаго центръ тяжести съ нескончаемыхъ и безплодныхъ историко-археологическихъ препреканій на почву выясненія не нарушаемаго ими догматическаго единомыслія,—болѣе свободныхъ отъ упрека въ натянутости и излишествахъ ссылокъ на авторитетъ св. писанія, церковнаго преданія и старопечатныхъ книгъ,—наконецъ, въ отношеніи большей простоты, безъискусственности изложенія, совершенно чуждаго, къ тому же, тѣхъ „жестокословныхъ порицаній“, пристрастіемъ къ которымъ такъ много вредили своему дѣлу предшественники Платона въ

литературной борьбѣ съ расколомъ. Нельзя сказать, что г. Лысогорскій совершенно свободенъ здѣсь отъ упрека въ нѣкоторыхъ недочетахъ и преувеличеніяхъ. Его разсужденія о достоинствахъ разбираемаго произведенія теряютъ по мѣстамъ спокойную уравновѣшенность, обязательную для объективнаго изслѣдователя, и переходятъ въ тонъ панегирика. Такъ, по словамъ нашего автора, Платонъ въ своемъ „Увѣщаніи“ пользуется ссылками на исторію „лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ея свидѣтельства выше всякаго подозрѣнія: ясны, сильны, неопровержимы и одинаково признаются какъ православными, такъ и раскольниками“ (стр. 104). Едва ли, однако, и самъ онъ рѣшится настаивать, что нѣкоторыя подробности, относящіяся къ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ при п—хѣ Никонѣ, указываемыя Платономъ по примѣру его предшественниковъ, могутъ притязать на „неопровержимость“ въ глазахъ современнаго изслѣдователя и должны были казаться таковыми старообрядцамъ XVIII в., знакомымъ съ произведеніями своихъ первоучителей, или что возможно въ качествѣ непреложнаго историческаго факта повторить смѣлое утвержденіе составителя „Увѣщанія“, будто упомянутое „поправленіе“ книгъ принялъ „*весь* православный россійскаго государства духовный чинъ“ и „*всѣ* русскіе люди“ (кто же тогда оказался въ рядахъ тѣхъ „церковныхъ мятежниковъ“, на обиліе которыхъ жаловался, въ началѣ своихъ „дѣяній“, Большой московскій соборъ 1667 г.?). Замѣтимъ здѣсь, кстати, что склонность сбиваться на панегирическій тонъ, быть можетъ—и не легко устранимая въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ долговременно и съ любовью занимается изученіемъ дѣятельности изв. лица, даетъ себя чувствовать и кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ разсматриваемой книги, обнаруживаясь въ не совсѣмъ безпристрастныхъ сужденіяхъ изслѣдователя о личности и дѣяніяхъ знаменитаго іерарха. Не останавливаемся на нѣкоторыхъ мелкихъ возраженіяхъ, которыя могли бы быть сдѣланы г. Лысогорскому по поводу данной части его труда: они не настолько серьезны, чтобы уменьшить ея достоинства. А таковыя въ ней несомнѣнно есть. Разсужденія объ „Увѣщаніи“, какъ одномъ изъ памятниковъ литературной борьбы съ расколомъ до учрежденія единовѣрія, даютъ вполнѣ ясное и опредѣленное представленіе какъ о названномъ произведеніи м—та Платона самомъ по себѣ, такъ и о мѣстѣ его въ исторіи выработки пріемовъ и формъ православной противораскольнической полемики. Для спеціалиста—расколовѣда разсмотрѣнная глава не скажетъ чего-либо новаго; но въ качествѣ трактата, разсчитаннаго на болѣе широкій кругъ читателей, она имѣетъ несомнѣнную цѣнность.

До сихъ поръ матеріаломъ для изслѣдованія г. Лысогорскаго служили почти исключительно печатные источники, въ отношеніи которыхъ задача изслѣдователя не осложнялась значительными трудностями отысканія ихъ и введенія въ научный оборотъ. Только въ самомъ концѣ II главы (стр. 111—112) встрѣчается нѣсколько указаній на сохранившіяся въ архивныхъ документахъ свидѣтельства касательно значенія „Увѣща-

нія“ для обращенія раскольниковъ. Начиная съ III главы и до конца книги автору, наоборотъ, приходится имѣть дѣло если не исключительно, то главнымъ образомъ съ рукописными архивными источниками, мало или совсѣмъ не извѣстными прежнимъ изслѣдователямъ и теперь впервые вводимыми въ научный оборотъ. Широта пользованія ими возрастаетъ съ каждой слѣдующей главой, и соотвѣтственно этому растетъ интересъ самаго изслѣдованія.

Главы *третья* (стр 114—143) и *четвертая* (стр. 144—287) по содержанію и задачамъ своимъ очень близки: та и другая изображаютъ пастырскую дѣятельность Платона противъ раскола, съ тою лишь разницей, что въ одной рѣчь идетъ о проявленіяхъ этой дѣятельности, падающихъ на годы служенія названнаго іерарха въ санѣ архіепископа тверского а въ другой дается обзоръ аналогичныхъ мѣропріятій за время пребыванія его на московской каѳедрѣ. Въ томъ и другомъ періодѣ общій характеръ отношеній Платона къ расколу и его послѣдователямъ остается, по наблюденіямъ изслѣдователя, одинъ и тотъ же, хотя размѣры примѣненія подсказываемыхъ имъ мѣропріятій и не одинаковы: ,,противораскольничья дѣятельность Платона въ Твери по отношенію къ подобной же дѣятельности его въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляется какъ бы не вполнѣ развитою и законченною программою“ (стр. 116). Такое соотношеніе между двумя періодами дѣятельности, помимо сравнительной малочисленности и въ то время старообрядцевъ въ тверской епархіи, достаточно объясняется тѣмъ, что время пребыванія здѣсь архіеп. Платона было весьма непродолжительно: ,,пожалованный“ (стр. 114) саномъ архіеп. тверского въ концѣ 1770 г., онъ уже въ январѣ 1775 г. былъ перемѣщенъ на московскую каѳедру, да и въ этотъ сравнительно небольшой промежутокъ между указанными датами большую часть времени провелъ не на мѣстѣ своего архипастырскаго служенія, а въ Петербургѣ, по должности законоучителя цесаревича Павла. Руководяся изложенными соображеніями, г. Лысогорскій въ III главѣ своего изслѣдованія находитъ ,,наиболѣе естественнымъ ограничиться преимущественно однимъ изложеніемъ“ противораскольниче ской дѣятельности Платона въ тверской епархіи, отлагая общую оцѣнку ея до слѣдующей главы, разсказывающей о томъ періодѣ этой дѣятельности, когда она, при измѣнившейся внѣшней обстановкѣ, развернулась болѣе широко и полно.

Съ точки зрѣнія указаннаго раньше мнѣнія автора о неизмѣнности воззрѣній Платона на расколъ нѣтъ основаній возражать противъ такого обобщенія двухъ періодовъ изучаемой дѣятельности знаменитаго іерарха въ ихъ идейной оцѣнкѣ. Можетъ возникать вопросъ только о томъ, слѣдовало ли въ такомъ случаѣ излагать отдѣльно его мѣропріятія, тождественныя по существу и различавшіяся лишь по мѣсту ихъ примѣненія, хотя и при такомъ соотношеніи между ними порядокъ, принятый г. Лысогорскимъ, можетъ быть оправданъ желаніемъ внести больше отчетливости въ изложеніе фактическихъ данныхъ. Но мы не мо-

жемъ не обратить еще разъ вниманія на сомнительность самой мысли, лежащей въ основѣ упомянутаго обобщенія. Только благодаря ей авторъ, думается намъ, въ концѣ III главы (стр. 141—142) оказывается вынужденнымъ обращаться къ предположительнымъ и натянутымъ соображеніямъ въ объясненіе того, почему Платонъ, въ бытность его архіепископомъ тверскимъ, не счелъ возможнымъ и нужнымъ обратиться къ содѣйствію гражданской власти для поимки бѣглаго попа Ѳедора, перешедшаго въ расколъ, между тѣмъ какъ изъ времени пребыванія того же іерарха на московской каѳедрѣ намъ извѣстенъ цѣлый рядъ проявленій, при подобныхъ обстоятельствахъ, энергичной настойчивости его въ требованіи „законнаго содѣйствія" отъ полиціи. Ссылка на отсутствіе другихъ документальныхъ данныхъ для болѣе полнаго представленія объ этой сторонѣ противораскольнической дѣятельности архіеп. Платона въ Твери столь же мало сама по себѣ даетъ основаній ослаблять значеніе указаннаго единичнаго факта противопоставленіемъ его *позднѣйшей* московской практикѣ, какъ и ни на чемъ не основанное утвержденіе г Лысогорскаго, будто случай съ попомъ Ѳедоромъ „не давалъ возможности къ вполнѣ законченнымъ дѣйствіямъ". Подобныя разсужденія по силѣ убѣдительности не возвышаются надъ уровнемъ голословныхъ утвержденій, и имъ по меньшей мѣрѣ—съ равнымъ правомъ можетъ быть противопоставленъ упрекъ автору въ недостаточно внимательномъ анализѣ передаваемыхъ фактовъ

Что касается этихъ послѣднихъ, то нужно отдать должную справедливость тому неистощимому трудолюбію, съ какимъ г. Лысогорскій занимался ихъ подборомъ и провѣркой. Обѣ главы, посвященныя обзору пастырско-противораскольнической дѣятельности Платона, со стороны своего фактическаго содержанія представляютъ безспорный и крупный научный интересъ, обусловленный обиліемъ и новизною сообщаемыхъ свѣдѣній. Большая часть ихъ извлечена, какъ уже замѣчено выше, изъ рукописныхъ перво-источниковъ, которые изслѣдователь, видимо, всемѣрно старался использовать въ возможной полнотѣ, не останавливаясь предъ общеизвѣстными трудностями архивныхъ разысканій. Разумѣется, зѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ работахъ, не исключена возможность частичныхъ недосмотровъ и пробѣловъ, на что, между прочимъ, и указывалъ г. Лысогорскому одинъ изъ оффиціальныхъ рецензентовъ, упрекая его въ неполнотѣ сообщенія архивныхъ данныхъ, относящихся ко времени пребыванія Платона на тверской архіепископской каѳедрѣ. Правда, ученый критикъ не представилъ въ своемъ отзывѣ фактическихъ обоснованій сдѣланнаго имъ упрека и даже, какъ мы слышали, на диспутѣ (разсматриваемая книга—магистерская диссертація, представленная и съ одобреніемъ принятая въ Кіевской дух. академіи) отказался поддерживать свое предположительное мнѣніе по этому пункту; тѣмъ не менѣе, по существу дѣла рецензентъ былъ правъ, въ чемъ можно убѣдиться и помимо непосредственнаго ознакомленія съ архивнымъ матеріаломъ, подлежавшимъ обработкѣ при составленіи авторомъ III главы его книги.

Въ печатной литературѣ намъ удалось встрѣтить указаніе на весьма любопытное дѣло архива тверской духовной консисторіи, отъ 1771 г., № 27, «о бою Оковицкія церкви діакона Ѳедора Харлампіева прихожанами-раскольниками», оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ г. Лысогорскому. Названный діаконъ въ своемъ донесеніи преосв. Платону горько жаловался на обиды и притѣсненія, чинимыя ему ржевскими купцами—старообрядцами съ самаго поступленія на приходъ, при чемъ, дѣло не ограничивалось съ ихъ стороны лишь бранью „всякими скверными словами“ и „поматерны“, а заходило гораздо дальше: челобитчикъ разсказываетъ, что его уже не разъ били „смертно“ и „впредь похваляются убить до смерти“ единственно лишь за то, что онъ „ихъ раскольническому суевѣрію не склоненъ“. Заслуживаетъ вниманія, что исторія дьяконскихъ злоключеній была не безъизвѣстна мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, равно какъ и имена виновниковъ; „точію имъ ничего не учинено“. Къ сожалѣнію, г. Д. Скворцовъ, приводящій выдержки изъ этого донесенія въ своихъ „Очеркахъ тверского раскола и сектантства“ (М. 1895, стр. 38—39), не сообщаетъ подлинной резолюціи арх. Платона; но судя по замѣчанію, что дѣло кончилось переводомъ дьякона въ священники въ какое-то село, послѣ чего онъ „все-таки помирился съ раскольниками“, едва-ли можно предполагать, что обиженный священно-служитель нашелъ справедливую и энергичную защиту въ лицѣ своего архипастыря. Во всякомъ случаѣ, восполненіе сейчасъ указаннаго пробѣла едва-ли было бы неумѣстно въ книгѣ г. Лысогорскаго. Не удивительно, если такіе пробѣлы окажутся и въ IV главѣ, тѣмъ болѣе, что при составленіи ея автору приходилось имѣть дѣло съ матеріаломъ иного объема и далеко не столь упорядоченнымъ, какъ дѣла архива тверской духовной консисторіи. Мы не думаемъ, однако, что число предполагаемыхъ дефектовъ этого рода могло бы быть очень значительнымъ, такъ какъ добросовѣстность произведенныхъ изысканій стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Составитель разбираемой книги считалъ своимъ долгомъ не только собрать и использовать по возможности все то, что оставалось не затронутымъ до него, но и подвергнуть документальной провѣркѣ (какъ оказалось, совсѣмъ не излишней въ иныхъ случаяхъ,—см., напр., примѣч на стр. 149—150) даже и не особенно важныя для его цѣли данныя, прочно вошедшія въ научный оборотъ. И каковы бы ни были результаты новыхъ будущихъ изысканій, онъ можетъ съ чувствомъ исполненнаго научнаго долга сказать о запасѣ собранныхъ имъ фактическихъ данныхъ классическое: feci, quod potui...

Столь же благопріятное для автора общее впечатлѣніе производитъ находящійся передъ нами обзоръ пастырско-противораскольнической дѣятельности Платона и съ точки зрѣнія формально-научныхъ требованій. Масса сырого, впервые становящагося научнымъ достояніемъ матеріала не подавила изслѣдователя и не превратила его (какъ, къ сожалѣнію, бываетъ сплошь да рядомъ) въ непомѣрно усерднаго копіиста архивныхъ документовъ, въ погонѣ за буквальнымъ воспроизведеніемъ

ихъ способнаго забыть о главной цѣли и характерѣ своего труда Г. Лысогорскій не любитъ безъ нужды загромождать изложеніе длинными выдержками изъ первоисточниковъ, оставаясь, однако, строго документальнымъ и точнымъ въ своихъ сообщеніяхъ, подкрѣпляемыхъ надлежащей цитаціей. Онъ не пересаживлетъ въ свою книгу слѣдовъ черновой работы; но внимательному читателю не трудно разсмотрѣть, сколько кропотливаго предварительнаго труда кроется подъ-часъ за сжатою передачею фактовъ. Обиліе и разнообразіе ихъ авторъ искусно умѣетъ подчинить господству объединяющей мысли и весь богатый запасъ, находящихся въ его распоряженіи свѣдѣній, привести въ стройную, удобообозрѣваемую систему. Говоря это, мы въ особенности имѣемъ въ виду IV главу, состоящую изъ трехъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ, содержащій въ себѣ очеркъ состоянія старообрядческаго раскола въ московской епархіи за время управленія ею м-та Платона, имѣетъ цѣлью ввести, такъ сказать, въ обстановку его противораскольнической дѣятельности, въ пониманіе тѣхъ ближайшихъ причинъ и поводовъ, какими вызывались изв. мѣропріятія, и дать основанія для сужденій о цѣлесообразности ихъ съ точки зрѣнія требованій мѣста и времени. Два остальныхъ отдѣла представляютъ подробный и связный обзоръ самыхъ мѣропріятій—*духовныхъ* (пастырскія наставленія и увѣщанія, заботы о религіозномъ просвѣщеніи народа, церковномъ благоустройствѣ, нравственности пастырей и пасомыхъ и т. п.) и *гражданскихъ* (ограждение новообращенныхъ отъ преслѣдованій со стороны раскольниковъ, противодѣйствіе пропагандѣ расколо-учителей и распространенію въ народѣ старообрядческихъ книгъ, ограниченіе дѣятельности бѣглыхъ поповъ и др.), такъ или иначе связанныхъ по инициативѣ или примѣненію съ личностью названнаго архипастыря и его общими взглядами на расколъ. Авторъ нигдѣ не упускаетъ случая отмѣтить и установить эту связь, вносящую въ длинный рядъ распредѣленныхъ по указанной схемѣ фактовъ элементъ внутренняго единства и идейной планомѣрности. Благодаря такой постановкѣ дѣла передъ читателемъ проходитъ не систематическій только перечень разрозненныхъ *способовъ* противодѣйствія расколу, практиковавшихся въ одной изъ русскихъ епархій въ изв. періодъ времени, а цѣльная и живая картина противораскольнической дѣятельности одного изъ знаменитѣйшихъ нашихъ іерарховъ, носящей на себѣ яркій отпечатокъ его просвѣщеннаго ума и болѣе широкой, чѣмъ у значительнѣйшей части его современниковъ, терпимости къ заблуждающимся.

Указавъ положительныя качества разсматриваемой теперь части (гл. III и IV) находящагося передъ нами изслѣдованія, не можемъ умолчать и о нѣкоторыхъ, замѣченныхъ въ ней, недостаткахъ. Къ числу ихъ нужно отнести, прежде всего, не всегда осторожную склонность автора обобщать единичные факты, усвояя имъ значеніе показателей обычной, систематически проводимой практики воздѣйствія на старообрядцевъ или огражденія православныхъ отъ уклоненія въ расколъ. Примѣры этого встрѣчаются хотя не очень часто, но и не однократно;

укажемъ одинъ изъ нихъ. На стр. 123 разсказано о посылкѣ преосв. Платономъ священникамъ с. Кимръ ,,наставленія, какъ имъ вести себя въ обращеніи обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ", съ присоединеніемъ особаго ,,увѣщанія кимрскимъ прихожанамъ о пребываніи ихъ въ единеніи со св. церковью". Изъ передаваемыхъ при этомъ подробностей дѣла видно, что рѣчь идетъ объ исключительной мѣрѣ, вызванной особыми обстоятельствами; между тѣмъ, на слѣдующей страницѣ мы читемъ уже, построенное только на этомъ фактѣ, общее замѣчаніе, что арх. Платонъ ,,принималъ участіе въ обращеніи раскольниковъ собственными наставленіями", а еще дальше (стр. 125) вновь говорится—и опять во множественномъ числѣ—о посылкѣ имъ ,,собственныхъ наставленій священникамъ и прихожанамъ". На сообщеніи о томъ же самомъ фактѣ—чтобы не искать другихъ—можно убѣдиться и въ томъ, насколько довѣрчиво, безъ достаточныхъ иногда къ тому основаній, относится г. Лысогорскій къ сообщеніямъ своихъ оффиціальныхъ источниковъ. Онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что ,,указанныя дѣйствія архіепископа Платона произвели въ кимрскомъ обществѣ замѣтное духовное обновленіе", основывая эту оптимистическую увѣренность на отпискѣ мѣстныхъ священниковъ. Послѣдніе, принося ,,всеусердную благодарность" архипастырю и извѣщая о томъ, какъ паства воздавала ему, ,,многую честь" за особливую заботливость о пей, дѣйствительно сообщали, что архіерейское увѣщаніе доставило ,,великое утѣшеніе" и поддержку православнымъ и не осталось безъ вліянія на раскольниковъ,—что изъ ,,наклонившихся къ расколу" нѣкоторые начали ходить въ церковь, и даже ,,заматорѣвше въ расколѣ" подъ впечатлѣніемъ увѣщательнаго посланія „пришли въ нѣкоторую задумчивость и робость" Но авторъ не хочетъ принять во вниманіе, что сообщеніе идетъ отъ приходскихъ священниковъ, припугнутыхъ конфликтомъ съ „сіятельной особой", которая послала на нихъ доносъ архіерею, и что пишутъ они своему верховному судьѣ и ,,владыкѣ", стараясь смягчить его льстивымъ панегирикомъ.

Недостатокъ критическаго отношенія къ сообщеніямъ подобнаго рода находитъ себѣ объясненіе въ извѣстной уже намъ наклонности самого автора разсматриваемой книги къ панегиризму, когда дѣло идетъ о заслугахъ преосв. Платона и оцѣнкѣ его мѣропріятій, направленныхъ къ ослабленію раскола. Общее сужденіе о нихъ высказано въ концѣ IV главы. Не считая знаменитаго архипастыря изобрѣтателемъ какихъ-либо новыхъ мѣръ, г. Лысогорскій признаетъ его «выдающимся среди русскихъ іерарховъ по настойчивому проведенію истинно—евангельскаго воззрѣнія на борьбу съ заблуждающимися». Онъ находитъ, что «примѣняемыя м. Платономъ противъ раскола мѣры какъ духовныя, такъ и гражданскія были вполнѣ цѣлесообразны, направляясь и противъ общихъ, основныхъ причинъ раскола, и противъ причинъ отличительныхъ роста его въ московской епархіи Значитъ,—заключаетъ изслѣдователь—противораскольническая дѣятельность Платона въ качествѣ московскаго (разумѣй—и тверского) первосвятителя должна, по справедливости, счи-

таться дѣятельностью весьма высокаго достоинства. Благодаря своей умной, энергической, цѣлесообразной противораскольничьей дѣятельности, проникнутой духомъ любви, Платонъ, несомнѣнно, весьма много сократилъ размѣры роста раскола въ московской епархіи» (стр. 285—286) Не отрицая ни энергичности, ни даже практической цѣлесообразности такихъ мѣръ, какъ разные виды полицейскаго стѣсненія старообрядцевъ въ удовлетвореніи ими своихъ религіозныхъ потребностей, можно очень сомнѣваться въ «истинно-евангельскомъ» характерѣ этихъ способовъ воздѣйствія на заблуждающихся; а между тѣмъ, въ московскомъ періодѣ противораскольнической дѣятельности Платона «гражданскія мѣропріятія», примѣняемыя не противъ его воли, а иногда и прямо по его настоянію, занимаютъ достаточно видное мѣсто. Что касается, далѣе, цѣлесообразности нѣкоторыхъ «духовныхъ» мѣръ, то едва-ли можно говорить о ней съ полною увѣренностію, когда дѣло касается запрещенія священнослуженія въ бѣдныхъ и обветшавшихъ сельскихъ храмахъ, казавшихся архипастырю съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ не достаточно благолѣпными (стр. 186—187). Наконецъ, какъ ни «несомнѣннымъ» кажется нашему автору успѣхъ платоновскихъ мѣропріятій въ отношеніи роста раскола въ московской епархіи, несомнѣнность эта значительно возрасла бы въ нашихъ глазахъ, если бы выражалась не въ голословномъ утвержденіи, а опиралась на опредѣленныхъ фактическихъ данныхъ.

Послѣдняя (пятая) глава сочиненія посвящена, какъ уже сказано, изображенію „дѣятельности митрополита Платона по учрежденію единовѣрія". Это самая обширная по объему (стр 287—463) и въ научномъ отношеніи наиболѣе цѣнная глава. Какъ и двѣ предыдущихъ, она составлена почти исключительно по архивнымъ документамъ, и при томъ такимъ, часть которыхъ, казалось, нужно было считать безнадежно потерянными для науки. Въ архивѣ Св. Синода не сохранилось дѣла объ учрежденіи единовѣрія по ходатайству московскихъ старообрядцевъ; по странному совпаденію, безслѣдно исчезло оно и изъ другого архива—московской духовной консисторіи, чрезъ которую направлялось упомянутое ходатайство и должны были пройдти всѣ важнѣйшіе документы, имѣющіе отношеніе къ названному предпріятію. Неутомимому изыскателю удалось, однако, если не сполна, то въ значительнѣйшей части восполнить этотъ пробѣлъ при помощи того матеріала, какой оказался въ другихъ, не использованныхъ съ этою цѣлью прежними изслѣдователями, рукописныхъ собраніяхъ,—главнымъ образомъ въ Государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Архивѣ Новгородскихъ митрополитовъ, Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и др. Цѣнныя находки, сдѣланныя въ названныхъ архивахъ, дали возможность г. Лысогорскому не только пополнить имѣвшіяся въ оборотѣ свѣдѣнія объ учрежденіи единовѣрія и участія въ этомъ дѣлѣ м-та Платона, но и внести въ нихъ частичныя поправки, иногда—очень существенныя. Въ общемъ, исторія возникновенія т. н. „оффиціальнаго" единовѣрія и

первое время существованія его въ Москвѣ представлены въ разбираемой книгѣ съ такою документальностью и полнотой, какой они не имѣли въ работахъ прежнихъ изслѣдователей.

Изложенію данныхъ, непосредственно относящихся къ только что указанному главному содержанію пятой главы, авторъ предпосылаетъ нѣсколько предварительныхъ общихъ соображеній и фактическихъ указаній, имѣющихъ своимъ назначеніемъ представить—какъ онъ выражается – „естественный фонъ, при изображеніи котораго видиѣе и понятнѣе самая дѣятельность м. Платона по учрежденію единовѣрія“ (стр 289) Научно-историческая оцѣпка этой дѣятельности не можетъ забывать о томъ, что составитель знаменитыхъ „пунктовъ“ 1800 г. не былъ изобрѣтателемъ и самой лежащей въ основѣ ихъ, мысли о дозволительности ревнителямъ старины держаться до—никоповскихъ обрядовъ и книгъ при условіи единенія съ церковью Такая мысль, вполнѣ отвѣчающая исконному церковному воззрѣнію на значеніе обрядовыхъ формъ, „предносилась сознанію представителей русской церкви съ самаго начала раскола“ (стр. 292). Къ числу сторонниковъ ея г Лысогорскій, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ предшественниковъ своихъ по разработкѣ даннаго вопроса. относитъ самого патріарха Никона (тамъ же) и, по видимому, отцовъ Большого московскаго собора. Упоминаемъ о послѣднемъ съ оговоркой потому, что замѣчаніе о немъ изложено не достаточно опредѣленно Названный соборъ читаемъ на стрр. 290 и д.— , вполнѣ законно осудилъ русскихъ неразумныхъ ревнителей старины, которые, въ слѣпой приверженности къ буквѣ усвоеннаго имъ обряда (sic!). искажали основный взглядъ церкви на условность и измѣняемость обряда и на право церковной власти производить обрядовыя измѣненія, дойдя до рѣшительнаго неповиновенія церкви. Расколовожди требовали всецѣлаго возвращенія къ старымъ обрядамъ, изрыгая хулу на новоисправленныя книги и обряды, и церковь, принявшую ихъ, называя еретическою Возвратиться, при этихъ условіяхъ. къ старому церковному порядку значило сознательно вступить на путь погрѣшностей и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить ту мысль, что обрядъ есть нѣчто неизмѣняемое, т. е укрѣпить во всей русской церкви неправильный взглядъ на обрядъ и осудить ее на рѣшительный религіозный застой. Съ другой стороны, соборъ 1666 и 67 гг., выходя изъ права церковной власти относительно внѣшней стороны жизни церкви, могъ и дозволить ревнителямъ старины употребленіе старыхъ книгъ и обрядовъ, если бы находилъ къ тому достаточно побужденій, если бы ревнители старины признавали законность введенія исправленныхъ книгъ и обрядовъ и просили оставить имъ старые только по снисхожденію къ ихъ немощной совѣсти; тогда они имѣли бы оправданіе для своей исключительности“ Упоминаніе о нѣсколькихъ сторонникахъ того же взгляда изъ конца XVII столѣтія (патр. Іоакимъ) и XVIII (схимонахъ Іоаннъ, основатель Саровской пустыни; преосв. Платонъ астраханскій; новгородскій м-тъ Димитрій Сѣченовъ и псковскій епископъ Гедеонъ Криповскій) заканчивается

общимъ выводомъ, что „мысль о возможности единенія старообрядцевъ съ церковью при соблюденіи старыхъ книгъ и обрядовъ высказывалась гораздо ранѣе м. Платона, высказывалась, начиная съ самой эпохи происхожденія раскола и доходя до дней Платона; только эта идея выражалась не вполнѣ въ ясной, опредѣленной формѣ и не имѣла настоящаго своего практическаго приложенія“ (стр. 296).

Остановимся пока на этихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ. Мы не видимъ основаній оспаривать вѣрность общей мысли, выраженной въ приведенной выдержкѣ. Для всякаго, знакомаго съ расколовѣдѣніемъ хотя бы по учебникамъ, мысль эта не нова, какъ не новы имена и факты, приводимые въ ея подтвержденіе. Но шаблонность аргументаціи ея въ данномъ случаѣ позволяетъ поставить вопросъ: зачѣмъ понадобилось автору повторять въ спеціальномъ изслѣдованіи то, что общеизвѣстно, и не лучше ли было ограничиться простымъ напоминаніемъ о томъ, что можно прочитать въ учебникѣ? А если ужъ показалось необходимымъ обставить доказательствами старую мысль, не располагая новыми фактами, то естественно было бы, по крайней мѣрѣ, ожидать болѣе внимательнаго отношенія къ нимъ и болѣе правильной ихъ оцѣнки. Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ отдѣлѣ книги г Лысогорскаго недостатокъ того и другого сказывается весьма ощутительно Можно ли зачислять, напр , п-ха Никона съ такою рѣшительностью, съ какою это дѣлается здѣсь, въ ряды сторонниковъ терпимости къ обрядовымъ разногласіямъ, когда мы имѣемъ цѣлый рядъ фактовъ (конечно, не безъизвѣстныхъ и нашему автору), свидѣтельствующихъ о противномъ? Возможно, что для нихъ удалось бы отыскать болѣе или менѣе удачное примирительное объясненіе; но замалчиваніе и простое игнорированіе ихъ едва-ли можетъ быть оправдано. Равнымъ образомъ, не можемъ мы оставить безъ замѣчанія и вышеприведенныхъ разсужденій о соборѣ 1667 г., старающихся навязать ему мысль о дозволительности, при изв условіяхъ, употребленія ревнителями старины до-никоновскихъ книгъ и всѣхъ безъ исключенія особенностей такъ наз. „стараго“ обряда. Разсужденія эти, конечно, не вызываютъ возраженій съ принципіальной, догматико-канонической точки зрѣнія; но далеко нельзя сказать того же самаго о согласованности ихъ съ подлиннымъ смысломъ соборныхъ опредѣленій, открывающимся при внимательномъ ихъ изученіи. Достаточно припомнить содержащееся въ 3-й главѣ соборныхъ „дѣяній“ наставленіе восточныхъ патріарховъ относительно перстосложенія для крестнаго знаменія, чтобы видѣть, какъ далека была отъ этихъ главныхъ участниковъ и руководителей собора идея обрядоваго безразличія. Осудивъ, какъ символъ еретичества, сложеніе двуперстное, патріархи свидѣтельствовали, что сами они употребляютъ для крестнаго знаменія три первые перста: „*яковже пріяхомъ отъ святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отцевъ, сице и исповѣдуемъ, и сице держитъ крѣпко и непоколебимо святая восточная и апостольская церковь, и будетъ держать вѣчно и неподвижно. И тако подобаетъ всякому* православному христіанину, послѣдующему

святѣй восточнѣй и апостольстѣй церкви, держати и мудрствовати, якоже предаша святіи апостоли и богоносніи отцы, *а не инако*" (Матер. для ист. раск., изд. *Н. И. Субботинымъ*, т. II, стр. 273). Ясно, что разсуждавшіе такъ соборные отцы не могли смотрѣть снисходительно на старые обряды, когда настойчиво, съ грознымъ клятвеннымъ прещеніемъ предписывали новые „въ *вѣчное* утвержденіе и *присное* воспоминаніе" (тамъ же, стр. 220). Во всякомъ случаѣ, съ *такимъ* пониманіемъ соборныхъ опредѣленій нельзя было не считаться изслѣдователю, говорящему о нихъ въ связи съ повѣствованіемъ объ учрежденіи единовѣрія, каноническая оцѣнка котораго всецѣло опредѣляется, въ концѣ концовъ, тѣмъ или инымъ изъясненіемъ смысла пресловутыхъ „клятвъ". Едва ли можно поставить въ число достоинствъ разсматриваемаго отдѣла и то обстоятельство, что, заботливо подбирая относящіеся къ XVII и XVIII вв. примѣры терпимости отдѣльныхъ представителей православной церкви къ обрядовымъ пристрастіямъ искавшихъ возсоединенія съ нею ревнителей „древляго благочестія", онъ совершенно умалчиваетъ о фактахъ противоположнаго значенія, хотя число ихъ никакъ не меньше, а смыслъ гораздо внушительнѣе. Для примѣра напомнимъ знаменитое распоряженіе Св. Синода отъ 15 мая 1722 г., гласившее (п. 11): „которые хотя святой церкви и повинуются и вся церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не треперстнымъ сложеніемъ,—тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обѣихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что" (Собран. постан. по части раск., кн. I, стр. 35; ср. *Т. И. Филиппова*—Соврем. церк. вопросы, стр. 289—292 и др.). Сопоставленіе подобныхъ заявленій, исходившихъ, къ тому же, иногда (какъ въ указанномъ случаѣ) отъ высшей церковной власти, съ сужденіями и мнѣніями, проникнутыми большею терпимостью къ старообрядцамъ, безъ сомнѣнія, не было бы неумѣстнымъ въ рѣчахъ, посвященныхъ изображенію „естественнаго фона" дѣятельности знаменитаго московскаго іерарха, составляющей предметъ разсматриваемой главы. Оно не только освободило бы автора отъ упрека въ одностороннемъ освѣщеніи даннаго частнаго вопроса, но и болѣе отвѣчало бы задачѣ—правильно оцѣнить заслуги м-та Платона въ дѣлѣ проведенія въ жизнь идеи условнаго единенія старообрядцевъ съ православною церковью.

Приступая къ изображенію этихъ заслугъ, г. Лысогорскій начинаетъ свою рѣчь о нихъ краткимъ напоминаніемъ объ идеяхъ «увѣщательной книжицы», представлявшихъ несомнѣнный шагъ впередъ въ дѣлѣ уясненія теоретическихъ основъ будущаго единовѣрія и не мало содѣйствовавшихъ подготовкѣ почвы для его практическаго осуществленія. Въ послѣднемъ отношеніи (о первомъ достаточно было сказано въ одной изъ предыдущихъ главъ) авторъ склоненъ считать названное ранее произведеніе Платона однимъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ, усвояя ему «сильное» и даже «рѣшающее» вліяніе на умы «лучшей части старообрядцевъ», давно сознававшихъ ненормальность своего ре-

лигіознаго положенія и искавшихъ изъ него выхода въ болѣе или менѣе неудачныхъ поискахъ законнаго священства. Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ указываемыхъ имъ случаяхъ (напр., относительно раскольниковъ Стародубскихъ слободъ и въ частности изв. инока Никодима, – см. стр. 299—302) такъ именно и было на самомъ дѣлѣ; но все же приведенныхъ въ книгѣ фактовъ, даже и пополненныхъ не лишенными вѣроятности предположеніями (стр. 302—303), едва ли достаточно для оправданія слишкомъ энергичнаго заявленія нашего изслѣдователя о впечатлѣніи, произведенномъ «Увѣщаніемъ» на старообрядческій міръ. По его словамъ, «это была искра, брошенная въ готовый горючій матеріалъ; коснулась его—и матеріалъ вспыхнулъ; разсужденія о пріобрѣтеніи законнаго священства сдѣлались злобою дня для старообрядцевъ, мысль объ удовлетвореніи важнѣйшей религіозной нужды чрезъ сношеніе съ высшей властью русской церкви получила распространеніе среди старообрядцевъ; идея единовѣрія взволновала весь старообрядческій міръ» (стр. 299). Не нужно обладать слишкомъ большою долею научнаго критицизма, чтобы оцѣнить по достоинству нѣсколько приподнятый тонъ этого общаго замѣчанія, болѣе умѣстнаго въ какомъ-нибудь ораторско—хвалебномъ произведеніи, чѣмъ въ серьезной исторической монографіи. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тою же самою, уже извѣстною намъ, склонностью г. Лысогорскаго къ возвышенію личности и заслугъ м-та Платона, которая даетъ себя чувствовать и въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ нашего автора, имѣющихъ цѣлью защитить знаменитаго іерарха отъ дѣлаемыхъ ему иногда упрековъ въ недостаткѣ искренности и послѣдовательности при опредѣленіи своихъ отношеній къ первымъ въ его время попыткамъ фактическаго осуществленія мысли о возсоединеніи вѣрныхъ своимъ обрядовымъ навыкамъ старообрядцевъ съ господствующею церковью (см. стр 313 – 317; ср. еще стр. 334—340). Какъ бы настойчиво ни подчеркивалась при этомъ практическая мудрость опытнаго церковнаго администратора, умѣвшаго разглядѣть скрытыя сепаратистическія тенденціи въ раскольническихъ домогательствахъ получить отъ церкви священниковъ, готовыхъ служить по старопечатнымъ книгамъ,—трудно отрѣшиться отъ нѣкотораго сомнѣнія въ твердости гласно заявленныхъ упованій на «дѣйствіе любви евангельскія» того, кто за четыре года до оффиціальнаго учрежденія единовѣрія въ частныхъ своихъ письмахъ настойчиво предупреждалъ другихъ архіереевъ противъ дарованія «законнаго священства на старые обряды», заявляя съ своей стороны, что, «никогда не дозволялъ своимъ священникамъ совершать какую-либо церковную службу у раскольниковъ, по ихъ такъ называемымъ старымъ обрядамъ и книгамъ, ибо этого нельзя сдѣлать безъ предосужденія нашего святого обряда и книгъ и авторитета церковнаго» (стр 315) Чтобы не возвращаться еще разъ къ замѣчаніямъ о недостаточной объективности разсматриваемаго изслѣдованія при частичной оцѣнкѣ противораскольнической дѣятельности московскаго архипастыря со стороны ея мотивовъ, укажемъ на отношеніе его къ

Высочайше установленному 3 іюня 1799 г., по ходатайству московскихъ старообрядцевъ, порядку полученія ими священниковъ отъ православной церкви. Не оспаривая того, что этотъ порядокъ самъ по себѣ былъ далеко не безупреченъ, необходимо, однако, признать, что въ замѣчаніяхъ о немъ м-та Платона слышится не одно только принципіальное осужденіе, подсказанное болѣе правильною и дальновидною оцѣнкою смысла и послѣдствій неосмотрительно принятаго рѣшенія. «Дѣла раскольниковъ,— писалъ онъ, напр. одному изъ своихъ друзей (преосв. Меѳодію воронежскому)—tohu va vohu ввѣрены въ моей епархіи другому пастырю, казанскому .. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Между тѣмъ раскольники торжествуютъ, а мы скорбимъ и оплакиваемъ состояніе церкви Христовой. Будемъ умолять милосердіе Божіе, чтобы своею милостію утѣшилъ Сіонъ, и чтобы воздвиглись стѣны Іерусалима». Въ письмѣ къ самому архіеп. казанскому Амвросію, обзывая главнаго иниціатора увѣнчавшихся временнымъ успѣхомъ сторообрядческихъ ходатайствъ «негоднѣйшей скотиной» (такъ передано въ книгѣ выраженіе подлинника: nequissimus bipedum). м-тъ Платонъ въ нѣсколько иной лишь формѣ выражаетъ, въ сущности, то же настроеніе: «я весьма радъ, что сіе дѣло трудное и опасное меня миновало, и почитаю сіе дѣйствіемъ мимостивыхъ Божіихъ и моихъ судебъ. Почему и прошу васъ прилежно употребить стараніе, чтобы и впредь какъ я, такъ и правленіе московскія православныя паствы отъ сего освобождены были, чѣмъ много меня и паству московскую обяжете» (стр. 339—340). Сопоставивъ оба приведенныхъ отрывка, не трудно убѣдиться въ справедливости вышесказаннаго. Только при неизмѣнномъ пристрастіи автора къ лицу, заслуги котораго онъ изображаетъ, можно было не замѣтить довольно явственно проступающаго здѣсь оттѣнка личнаго неудовольствія по поводу того, что дѣло о *московскихъ* старообрядцахъ устраивалось помимо московскаго архипастыря.

За устраненіемъ сейчасъ указаннаго недостатка мы почти не имѣемъ надобности останавливаться на томъ отдѣлѣ пятой главы (стр. 318—354), который содержитъ въ себѣ разсказъ объ упоминаемой въ вышеприведенныхъ цитатахъ первой попыткѣ разрѣшенія вопроса о дарованіи „законнаго священства“ старообрядцамъ Рогожскаго кладбища. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что данный отдѣлъ не имѣетъ серьезныхъ ученыхъ достоинствъ, которыя заставляли бы отнестись къ нему съ должнымъ вниманіемъ. Хотя основные факты, излагаемые здѣсь, были не безъизвѣстны и ранѣе, тѣмъ не менѣе много цѣнныхъ подробностей, значительно проясняющихъ весь ходъ дѣла и въ особенности ту крупную пассивную роль, какую удалось сыграть м—ту Платону въ ликвидаціи проведенной помимо него мѣры, впервые будутъ узнаны изъ книги г Лысогорскаго. Но перечисленіе ихъ только увеличило бы размѣры настоящаго отзыва, и безъ того оказывающагося, быть можетъ, болѣе длиннымъ, чѣмъ бы слѣдовало.

Наиболѣе цѣнною частью всего излѣдованія должны быть признаны стр. 354—404, гдѣ разсказывается о новомъ ходатайствѣ московскихъ

старообрядцевъ, на этотъ разъ закончившемся, при дѣятельнѣйшемъ участіи м—та Платона, установленіемъ извѣстныхъ „пунктовъ" единовѣрія. Мы уже имѣли случай замѣтить раньше, что важнѣйшіе документы, относящіеся къ этому дѣлу, считались безнадежно утраченными. Автору удалось разыскать значительную часть ихъ тамъ, гдѣ нахожденіе ихъ совсѣмъ не предполагалось, и возстановить весь ходъ событій съ такою отчетливостью и полнотой, какая была не доступна прежнимъ изслѣдователямъ. Къ числу важнѣйшихъ результатовъ его работы нужно отнести точное установленіе того обстоятельства, что новая попытка сближенія съ церковью исходила не отъ той же самой группы рогожскихъ старообрядцевъ, которая раньше добивалась получить „благословенное священство" по указу императора Павла. Вторичное ходатайство, какъ выяснилось изъ новыхъ документовъ, было возбуждено другой старообрядческой партіей, желанія которой, выраженныя въ прошеніи отъ 12 ноября 1799 г. на имя московскаго архипастыря, отличались болѣе умѣреннымъ характеромъ. Слѣдуетъ замѣтить, что незнаніе этого обстоятельства вносило прежде большую путаницу въ опыты изслѣдованія о началѣ единовѣрія и мѣшало установленію правильнаго взгляда на отношеніе къ нему митрополита Платона Если взглядъ самого автора по этому вопросу и не освободенъ отъ возраженій, то этимъ не понижается научное значеніе фактическихъ данныхъ, впервые имъ сообщаемыхъ Не менѣе цѣннымъ дополненіемъ къ имѣвшимся ранѣе свѣдѣніямъ о томъ, какъ возникли извѣстные „пункты", является сообщеніе о двухъ отзывахъ московскаго духовенства на упомянутое прошеніе группы „умѣренныхъ" старообрядцевъ. Отзывы были отвѣтомъ на предложеніе митрополита „консисторіи вкупѣ съ обрѣтающимися въ Москвѣ архимандритами и всѣхъ сороковъ благочинными" высказаться „по совѣсти и безпристрастному сужденію о семъ важномъ дѣлѣ". Не говоря уже о томъ, насколько интересенъ самъ по себѣ фактъ обращенія выдающагося по своимъ личнымъ качествамъ и авторитету архипастыря къ братскому совѣту подчиненнаго духовенства, нельзя не признать сообщеніе о немъ въ высшей степени важнымъ по содержанію представленныхъ отзывовъ. Къ сожалѣнію, г Лысогорскій не далъ себѣ труда сопоставить ихъ съ тѣми замѣчаніями на старообрядческое ходатайство, которыя были составлены позже самимъ митрополитомъ Платономъ и, послѣ Высочайшаго утвержденія, получили силу закона, давшаго начало „единовѣрію". Такое сопоставленіе обнаружило бы доходящее иногда почти до буквальнаго совпаденія даже въ словесной формулировкѣ сходство этихъ замѣчаній съ нѣкоторыми мѣстами упомянутыхъ отзывовъ (въ особенности одного изъ нихъ, подписаннаго пятью лицами изъ бѣлаго духовенства), что въ свою очередь могло бы дать основаніе для тѣхъ или другихъ соображеній о томъ, кому и въ какой мѣрѣ вопросъ объ основаніяхъ условнаго возсоединенія старообрядцевъ съ православною церковью обязанъ своимъ окончательнымъ выясненіемъ. Возможно, что и здѣсь получились бы выводы, не совсѣмъ со-

впадающее съ взглядами нашего изслѣдователя; но за нимъ навсегда останется заслуга приведенія въ извѣстность интереснѣйшихъ фактическихъ данныхъ, вносящихъ новое важное звено въ исторію правилъ оффиціальнаго единовѣрія. Новымъ пріобрѣтеніемъ для исторической науки являются въ большинствѣ своемъ и тѣ, извлеченныя изъ архивныхъ матеріаловъ, свѣдѣнія, которыя касаются дальнѣйшей судьбы старообрядческаго ходатайства, по передачѣ его на разсмотрѣніе высшей церковной власти. Разсмотрѣніе это, какъ теперь выяснилось съ полною обстоятельностью, не было доведено до конца вслѣдствіе ускореннаго разрѣшенія вопроса императорскимъ „быть по сему", начертаннымъ 27 октября 1880 г. на подлинномъ прошеніи московскихъ старообрядцевъ, представленномъ на Высочайшее воззрѣніе вмѣстѣ съ замѣчаніями м Платона.

Признавая большую научную цѣнность за фактическими сообщеніями г. Лысогорскаго, содержащимися въ данномъ отдѣлѣ его книги, мы не можемъ, къ сожалѣнію, сказать того же самаго о сдѣланномъ имъ попутно анализѣ мнѣнія московскаго первосвятителя по содержанію старообрядческаго ходатайства отъ 12 ноября 1799 г. Авторъ взялъ на себя неблагодарную роль очень усерднаго, но не достаточно безпристрастнаго апологета знаменитыхъ платоновскихъ „пунктовъ", ставшихъ, волею судебъ, основнымъ закономъ оффиціальнаго единовѣрія. Послѣднее, какъ извѣстно, далеко не во всѣхъ подробностяхъ отвѣчало при своемъ учрежденіи требованіямъ братолюбивой снисходительности къ безразличнымъ обрядовымъ разностямъ при условіи единства въ вѣрѣ. Не говоря уже о томъ, что самая идея церковной терпимости къ различіямъ въ сферѣ обряда не могла получить надлежащей опредѣленности безъ устраненія извѣстныхъ недоразумѣній, порождаемыхъ „клятвами" Большого московскаго собора, въ разъясненіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ будущей практики взаимныхъ отношеній между двумя группами „единыхъ въ вѣрѣ" членовъ русской церкви нельзя не замѣтить признаковъ живучести старыхъ предубѣжденій. Едва ли можно подыскать, напр., сколько нибудь вѣскія соображенія по существу въ оправданіе того пункта (11-го), въ силу котораго „сынъ православныя грекороссійскія церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе" причаститься у священника-единовѣрца, „развѣ въ крайней нуждѣ и въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найти православнаго священника и церкви", тогда какъ обратный случай допускался безпрепятственно Не менѣе страннымъ должно быть признано съ принципіальной точки зрѣнія и запрещеніе формальнаго перечисленія православныхъ въ единовѣрцы, устанавливаемое пунктомъ 5-мъ. Разумѣется, этой бьющей въ глаза странности не могъ по временамъ не чувствовать и авторъ разбираемой книги Поэтому его мысль то и дѣло колеблется между желаніемъ удержаться на уровнѣ принципіальныхъ соображеній — и необходимостью перемѣщенія своей апологетической аргументаціи въ кругъ практическихъ интересовъ господствующаго исповѣданія. Съ этой

послѣдней точки зрѣнія можно, конечно, подыскать оправданіе для вышеуказаннаго правила, запрещающаго православнымъ общеніе въ таинствахъ съ единовѣрцами; но когда на ряду съ этимъ возсоединившіеся съ церковью ревнители старой обрядности награждаются эпитетомъ «младенчествующихъ въ вѣрѣ» (стр. 304), то невольно возникаетъ подозрѣніе, не раздѣляетъ ли и самъ почтенный изслѣдователь неувѣренности составителя «пунктовъ» въ возможности полнаго единства вѣры при различіи обрядовыхъ формъ. Такою же попыткою сѣсть между двумя стульями отзываются и разсужденія г. Лысогорскаго о другомъ ограничительномъ «пунктѣ», направленномъ противъ дозволенія православнымъ открыто заявить о своемъ предпочтеніи старыхъ обрядовъ и книгъ новоисправленнымъ. Практическая мотивировка такого ограниченія религіозной свободы можетъ еще быть оцѣниваема такъ или иначе; но не можетъ быть двухъ мнѣній о силѣ убѣдительности того принципіальнаго обоснованія, которое пытается дать ему авторъ на стр. 387. „Если единовѣріе есть также православіе,—читаемъ мы здѣсь—то вопроса о переходѣ изъ православія въ единовѣріе собственно не должно быть". Само собою понятно, что разсуждая такимъ образомъ, нужно признать въ такой же мѣрѣ неумѣстнымъ этотъ вопросъ и въ обратной его постановкѣ. Однако, ни откуда не видно, чтобы авторъ отрицательно относился къ выраженному Платономъ, въ концѣ его замѣчаній на ходатайство старообрядцевъ, упованію, что возсоединяемые на началахъ единовѣрія „со временемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ не въ разнствующее съ церковью придутъ согласіе". Къ числу не особенно удачныхъ апологетическихъ экскурсовъ слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, отнести и тѣ разсужденія, какія ведутся на стр. 373—380 по поводу отвѣта на старообрядческое ходатайство объ отмѣнѣ извѣстныхъ, упомянутыхъ выше „клятвъ". Изъясненіе послѣднихъ, даваемое здѣсь, не представляетъ чего-либо новаго, воспроизводя цѣликомъ одинъ изъ существующихъ взглядовъ съ его обычной аргументаціей. Это избавляетъ насъ отъ необходимости подробно останавливаться на немъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы полемизировать, въ сущности, не съ авторомъ разсматриваемаго изслѣдованія

Достигнутые въ концѣ концовъ съ немалыми трудностями благополучные результаты ходатайства „умѣренной" партіи рогожскихъ старообрядцевъ едва не потерпѣли крушенія отъ происковъ другой группы лицъ, ранѣе обращавшихся къ верховной власти съ своими домогательствами и теперь сдѣлавшихъ попытку прибѣгнуть къ тому же способу для цѣлей противодѣйствія практическому осуществленію не отвѣчавшаго ихъ взглядамъ платоновскаго единовѣрія. О судьбѣ этого предпріятія, окончавшагося очень плачевно для главныхъ его участниковъ, разсказано на стр 406—415 съ обычною для автора документальностью и обстоятельностью

Дальнѣйшее содержаніе главы (со стр. 415 и д.) посвящено изображенію „дѣятельности м. Платона собственно по устроенію единовѣр-

ческой церкви въ Москвѣ" и по распространенію единовѣрія въ предѣлахъ московской епархіи. Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія основаны исключительно на новыхъ архивныхъ данныхъ и сохраняютъ всю свѣжесть и интересъ ученой новизны. Послѣднія страницы книги (458—463) подводятъ общій итогъ содержанію какъ этой главы, такъ и всего изслѣдованія объ энергичной и широкой противораскольнической дѣятельности московскаго архипастыря.

Обширный отдѣлъ *приложеній* (стр 465—631) заключаетъ въ себѣ 114 документовъ, относящихся исключительно къ содержанію послѣдней главы. Небольшая часть ихъ появляется въ печати уже не въ первый разъ. Побужденіемъ къ тому, чтобы переиздать ихъ вновь, была, съ одной стороны, неисправность прежнихъ изданій, съ другой—разбросанность этихъ документовъ по разнымъ журналамъ и брошюрамъ, не всегда легко доступнымъ для пользованія ими. Всѣ остальные матеріалы, собранные въ ,,приложеніяхъ" (подавляющее большинство) совсѣмъ не были извѣстны прежнимъ изслѣдователямъ. Составителю разбираемой книги пришлось затратить не мало упорнаго труда на поиски ихъ по разнымъ архивамъ (свѣдѣнія о нихъ см. въ предисл , стр. 8—13), требовавшіе не только времени, настойчивости, но и значительныхъ матеріальныхъ жертвъ Не всѣ напечатанные документы имѣютъ одинаково близкое отношеніе къ главному предмету изслѣдованія и нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ большой важности сами по себѣ; но въ общей совокупности они даютъ богатый и цѣнный матеріалъ для всесторонняго выясненія дѣятельности м—та Платона по учрежденію единовѣрія. Имѣя ихъ подъ руками, читатель получаетъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ весь ходъ сообщеній и разсужденій автора въ названной части его работы, провѣряя каждую мельчайшую деталь со стороны ея научной обоснованности. Въ этомъ заключается одно изъ крупныхъ достоинствъ разбираемаго труда, которое должно быть поставлено въ заслугу его составителю.

Покончивъ съ послѣдовательнымъ обозрѣніемъ книги г. Лысогорскаго, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно этого труда со стороны его научныхъ качествъ.

Мы уже не разъ имѣли случай упомянуть о самомъ главномъ изъ нихъ—обиліи фактическихъ свѣдѣній, большею частію впервые вводимыхъ въ научный оборотъ Задавшись мыслью изучить противораскольническую дѣятельность знаменитаго московскаго архипастыря, трудолюбивый изслѣдователь не ограничился тѣмъ скуднымъ и во всякомъ случаѣ—далеко не полнымъ запасомъ данныхъ, какой можно было подобрать въ существующей печатной литературѣ. За пополненіемъ ихъ онъ обратился къ рукописнымъ архивнымъ собраніямъ, не жалѣя времени и труда для ихъ обслѣдованія и имѣя передъ собою одну цѣль—собрать по возможности *весь* сохранившійся доселѣ матеріалъ, пригодный для выполненія предпринятой имъ работы. Въ результатѣ этихъ поисковъ

ему удалось—а) опредѣлить мѣсто нахожденія значительнаго числа новыхъ первоисточниковъ (въ томъ числѣ такихъ, которые считались уже безнадежно потерянными для науки), ихъ качество и современное положеніе въ архивахъ; б) отобрать и издать часть ихъ въ приложеніи къ своему ученому труду, а всею вообще весьма внушительною массою новооткрытыхъ матеріаловъ умѣло воспользоваться въ самомъ изслѣдованіи. Опираясь на нихъ, онъ оказался въ состояніи не только значительно раздвинуть кругъ имѣвшихся свѣдѣній, но и подвергнуть новому пересмотру и переоцѣнкѣ установившіеся сужденія и взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ, такъ или иначе соприкосновеннымъ съ главной задачей его ученаго труда. Богатый запасъ интересныхъ и свѣжихъ данныхъ авторъ расположилъ по цѣлесообразно намѣченному плану, разсчитанному на то, чтобы дать отчетливую и ясную группировку фактовъ, соединенную съ попытками раскрыть ихъ идейный и историческій смыслъ. Къ числу положительныхъ качествъ сочиненія нужно также отнести логическую стройность и литературную обработанность изложенія, не загроможденнаго обиліемъ введеннаго въ текстъ неудобочитаемаго балласта и почти не дающаго повода къ упрекамъ въ пренебреженіи къ требованіямъ стилистики.—Нельзя отрицать, что книга г. Лысогорскаго не свободна и отъ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе серьезныхъ недостатковъ. Несомнѣнно, что это—еще не послѣднее слово науки въ дѣлѣ выясненія и оцѣнки противораскольнической дѣятельности м-та Платона. Сужденія о ней автора въ общемъ не достаточно объективны, и не рѣдко въ нихъ чувствуется перевѣсъ личной симпатіи надъ критическою внимательностью. Нѣкоторые отдѣлы (въ особенности первая глава) нуждались бы въ болѣе полномъ подборѣ матеріаловъ и въ болѣе серьезномъ научномъ ихъ освѣщеніи. Можно было бы, сверхъ того, пожелать больше единообразія (ср. указанія Дѣяній собора 1667 г. на стр. 91 и 374 зд.) и точности (см. глупую ссылку на „Странникъ“ въ примѣч. къ стр. 86) въ цитаціи печатныхъ источниковъ и пособій. Но всѣ эти недостатки съ избыткомъ искупаются, на нашъ взглядъ, указанными крупными достоинствами работы, въ виду которыхъ на вопросъ, достоинъ ли авторъ искомой преміи, мы отвѣчаемъ съ своей стороны рѣшительнымъ—ἄξιος.

И. Громогласовъ.